

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. Б. БЕРНШТЕЙН

СЛЕДЫ КОНСОНАНТНЫХ ИМЕННЫХ ОСНОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(Следы основ на -s)

Среди старых индоевропейских консонантных основ в праславянском были известны основы на -s, которые представляли три различных типа: а) именные основы на -os(-es); б) основы именных прилагательных в сравнительной степени на -ējbs (-jbs); в) основы действительных причастий прошедшего времени на -uťs (-ťs). Генетически с детерминативом -s (-os/-es) были связаны форманты -so, -eso, -snъ и др., которые выполняли важную роль в индоевропейском словообразовании. В праславянском эти форманты уже не отвлекались от корня, хотя в редких случаях их можно выделить, опираясь на внутреннюю реконструкцию: *gols-*, но *gol-gol-* (ср. ст.-слав. *гласъ*, но *глаголати*); *kols-*, но *koloti* (ср. русск. *колос*, но *колоть*), *rouds-*, но *rouď-* (ср. чеш. *rusý* «русый», но *rudý* «рыжий»); *doys-*, но *dŭm-* (ср. ст.-слав. *доухъ*, *дыхати*, но *дымъ*); *pořo*, *pěti*, но *pěsnъ*; *bajo*, *bajati*, но *basnъ* и под.

Именные основы на -os (-es). Этот тип основ играл большую роль в индоевропейском праязыке. Следы его находим в различных индоевропейских языках, в которых, однако, судьба его была неодинаковой. Он хорошо отражен в системе именных основ в итальянских языках. В латинском в этот тип входило много основ не только среднего, но и мужского рода. Было несколько именных основ на -os (-es) женского рода. Все они изменялись по третьему склонению: *genus* — *generis* (< *genesis*), *honor* (< *honōs*) — *honōris* (< *honōsis*).

И в греческом основы на -os (-es) принадлежали не только к среднему, но и мужскому и женскому родам. Есть основание полагать, что и в германском основ среднего рода на -os (-es) было много. Во всяком случае древние германские языки содержат их многочисленные следы.

Из индоевропейского праязыка основы на -os (-es) перешли и в праславянский язык. Однако праславянский сохраняет следы основ на -os (-es) только в словах среднего рода. К таким древним основам на -os (-es) в праславянском относились основы *slovo-* (*sloves-*), *nebo-* (*nebes-*) и др. Многие праславянские именные основы, содержащие следы детерминатива s, не имеют надежных индоевропейских соответствий. В этом случае трудно решить — отражает ли данная основа индоевропейское состояние или представляет позднее славянское новообразование, результат аналогического воздействия? Сами славянские языки надежный ответ на этот вопрос обычно дать не могут, так как процесс утраты основ на -os (-es) начался очень рано. Наличие следов этих основ лишь на незначительной территории славянского языкового мира не всегда может свидетельство-

вать об инновациях. Возможно, что здесь мы имеем дело с остатками очень древних структур общеславянского характера.

Древние тексты славянских языков, современные славянские языки во всем разнообразии и богатстве их говоров дают основание в этой группе привлечь к изучению следующие славянские именные основы:

slivos-(sloves-), nebos-(nebes-), kolos-(koles-), čelos-(čeles-), tēlos-(tēles-), čudos-(čudes-), okos-(očes-), uxor-(ušes-), istos-(istes-), dervos-(derves-), l'utos-(l'utes-), divos-(dives-), dēlos-(dēles-), likos-(ličes-), jьgos-(jьžes-), červos-(červes-), tęgос-(tęžes-), logos-(ložes-), peros-(peres), runos-(runes-), oјos-(oјes-), zvenos-(zvenes-), udos-(udes-). Не все случаи бесспорны. Рассмотрим систематически все указанные основы.

Основа *slivos-(sloves-)*. Основа индоевропейского происхождения [ср. др.-инд. *śrávas-*, авест. *sravah-*, греч. *κλέος* из *κλέος*, лат. *clūō* (< *clueō*), тохар. А *klyw*, тохар. В *kälywe*] восходит к глагольному корню *k¹lew-* «слышать» (см. PEW, 606). Основа известна всем славянским языкам: ст.-слав. *слово, словесънъ*; болг. *слово, словен, словесен*; макед. *слово, словесен*; серб.-хорв. *slōvo, slōvni*; словен. *slóv, slóvstvo, slovésen*; русск. *слово, словесный, пословица, условный*; укр. *слово, словесний, словесно*; белорусск. *слова, слоўны, слоўнік*; польск. *słowo, słowny, słowność*; полаб. *slüwü*, н.-луж. *slowo, slowko, posłowny*; в.-луж. *slowo, słowny, slowjesny*; чеш. *slovo, sloveso, slovně*; словацк. *slovo, slovný, slovko, sloveso, slovesný*. Следует, однако, иметь в виду, что далеко не все представленные в этих языках примеры выходят за пределы литературных языков. Так, Ф. Травничек указывает, что в чешском *sloveso* «глагол» представляет только литературный неологизм¹.

Существенно различается в славянских языках семантика слов, образованных от этой основы. Это наглядно можно показать на примере имени *слово*, семантическое поле которого в различных славянских языках представляет глубокие отличия. В текстах старославянского языка слово имеет следующие значения: «слово, речь; голос, звук речи; беседа, рассказ, повествование; молва, слава; молитва; раздел, глава текста, проповедь; закон, заповедь; учение; божественное начало». В современных литературных южных славянских языках в своем основном значении «verbum» оно уже не употребляется; для выражения этого значения используются болг. *дума*, макед. *збор*, серб.-хорв. *rěč*, словен. *beséda*. Существенные преобразования в значении праслав. *slowo* произошли в западославянских языках.

Уже в поздний период истории праславянского языка обнаруживается тенденция вытеснения старой основы *sloves-* новой основой *slov-*. После утраты конечного *-s* в им.-вин. падеже ед. числа данная основа вошла в сферу влияния той модели склонения, которая восходила к основам на *-o*. Это находит отражение в древнейших памятниках славянских языков. Тв. ед. *словомъ* является уже обычной формой в старославянских текстах. В Мариин., Зогр., в Клоц., в Син. ев. встречается только *словомъ*. В Супр. рук. и в Ассем. *словомъ* встречается чаще, нежели *словесемъ*. Старая консонантная основа лучше сохраняется во мн. и двойств. числах, нежели в ед. числе. Уже в старославянских текстах находим новообразования типа *словолубьць, словописатель* наряду с *словесънъ* и под. Аналогичное положение представлено в старославянских текстах древнерусского извода². В русском народном языке основа *sloves-* преобразовалась еще в дописьменном периоде. В современном литературном языке сохранение старой консонантной основы (ср. им.-вин. мн. *словеса*, род. мн. *словес* и под.)

¹ Фр. Травничек, *Historická mluvnice československá*, Praha, 1935, стр. 349.

² См.: А. А. Шахматов, *Историческая морфология русского языка*, М., 1957, стр. 106—108.

обязано влиянию старославянского языка. Книжного происхождения в русском литературном языке все образования от основы *sloves-*: *словесность*, *словесный* и т. д. Представленные в чешском *slovesnost*, *slovesný* в свою очередь обязаны влиянию русского литературного языка³. Серб.-хорв. *slòvesan*, *slòvesnost*, болг. *словесен*, *словесност* также опираются на старые книжные источники. Иначе в словенском, где основа *sloves-* не утрачена в живом языке (ср. *slovénost* «церемония; торжество», *slovéšen* «церемонный, торжественный»). Эта основа была известна полабскому языку (им.-вин. мн. *slüvēsa*).

Основа *nebos-* (*nebes-*) является основой индоевропейского происхождения (ср. др.-инд. *nābhas-*, авест. *nabah-*, греч. *νέφος*, хет. *nepiš-*, литов. *debesis-*). От данного корня были известны еще примеры с основообразующим формативом *a* (ср. греч. *νεφέλη*, лат. *nebula*, фрак. **nebelā*).

После утраты конечного *s* в им.-вин. падеже ед. числа и эта основа вошла в сферу влияния той модели склонения, которая восходит к основам на -*o*. В старославянских текстах уже встречаем род. ед. *неба*, дат. ед. *небоу*, тв. ед. *небомъ* и т. д., но хорошо известны еще и старые формы *небесе*, *небеси*, *небесемъ*... Устойчивее старая консонантная основа во мн. и двойств. числах. До сих пор во многих славянских языках основа на -*es* сохраняется во мн. числе (ср. болг. *небеса*, серб.-хорв. *nebesa*, русск. *небеса*, *небес*, *небесам*, *небесами*, *небесах*, польск. *niebiosa*, в.-луж. *njebjesa*, чеш. *nebesa*, *nebes*, на *nebesích*, словац. *nebesá*), в словообразовании прилагательных (ср. болг. *небесен*, серб.-хорв. *něbesni*, русск. *небесный*, но *нёбный*). Однако в большинстве случаев эта консонантная основа характеризует книжный стиль речи, встречается в оборотах, источник которых нужно искать в церковных текстах. Нет сомнений, что в русском *небеса*, *небес*, *небесный* — наследие старославянского языка. В болгарском *небеса*, *небесен* заимствованы из русского литературного языка. В македонском литературном языке слово *небесен* заимствовано, а его эквивалент *небен* отражает народную речь. В польском *niebiosa* употребляется под влиянием церковных текстов⁴. Наличие в чешском «основы *nebes-* во множественном числе объясняется особым употреблением и консервативностью этого слова»⁵. Иногда основы *nebes-* и *neb-* вступают в сложные семантические взаимоотношения. Так, в словенском *nebó*, *nebá* «небо, небесный свод», *nebésa* «потусторонний мир»⁶. Было бы, однако, рискованным утверждать, что основа *nebes-* во всех славянских языках удержалась только в результате воздействия книжного и церковного языка. Так, эта основа широко представлена в словацких говорах: *hebeša* (в литературном *nebesá*), *hebešat*, *hebešax*, *hebešami*⁷. Основа *nebes-* зафиксирована в полабских текстах⁸. Под влиянием косвенных падежей в чешском и болгарском утвердилось *nebe*, *небе*. В некоторых русских говорах (например, в смоленских) «слова с основой на -*s*, имея на конце неударяемое *o* (*не́бо*, *чу́до*), перешли в женский род и образуют формы по основам на -*a*, лишь кое-где сохраняя старые формы»⁹.

Основа *kolos-* (*coles-*). Основа индоевропейского происхождения *k^uel-* (ср. греч. *πέλω*, *πέλωμαι*, *πόλος*); та же основа — в результате редупли-

³ См.: Fr. Trávníček, указ. соч., стр. 349."

⁴ M. Karaś, Z historii prasłowiańskiej deklinacji spółgłosekowej, «Symbolae linguisticae in honorem G. Kuryłowicz», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 163.

⁵ А. Г. Широкова, Чешский язык, М., 1961, стр. 138.

⁶ Fr. Ramovš, Morfologija slovenskega jezika, Ljubljana, [1952], стр. 76.

⁷ J. Stanislav, Dejiny slovenského jazyka, II, Bratislava, 1958, стр. 230.

⁸ T. Leh-Spławinski, Gramatyka połabska, Lwów, 1929, стр. 183.

⁹ П. А. Расторгуев, Говоры на территории Смоленщины, М., 1960, стр. 100.

кации — греч. *κόλος*, лат. *colō, colus*, -ūs; тохар. А *kukāl*, др. -сев. *hvel*; латыш. *du-celes*, др.-прусс. *-kelan* PEW, 639—640; TBSW, 125). В основе *kolos-* (*koles-*) корневой гласный *o* вторичного происхождения, так как все основы на *-os* (*-es*) закономерно представляли огласовку *e*.

Основа *kolos-* (*koles-*) хорошо представлена славянскими языками. Правда, в старославянских текстах она отражена в единичных примерах: *гласъ грома твоего въ колеси*; *бъ мої положи ѿ ѿко коло*; *колесница бжѣ тѣмаи тѣмы* (все примеры из Син. пс.); *колесъничъ* (Супр. рук.). Аналогично положение в древнесербских памятниках (см. Даничић, Рјечник, I, 464—465). В памятниках древнерусской письменности эта основа встречается во многих текстах (см. Срезневский, I, 1249—1250, 1253—1255). Из всех древних основ на *-os* (*-es*) основа *kolos-* (*koles-*) оказалась в праславянском наиболее устойчивой. В отличие от других основ она широко представлена в различных словообразовательных типах не только в литературных языках, но и в народных говорах. В этом отношении показательны *колесо*, *kolasa*, *kolosa*, *kolësa*, представленные в русском, украинском, польском, чешском, словацком, сербохорватском языках. Эта основа перешла в продуктивные классы склонения, сохранив здесь старый детерминатив даже в ед. числе (подробнее см. SEJP, II, 343—344, 367—369). Следы консонантной основы хорошо сохраняются во многих словообразовательных категориях: русск. *колесник*, *колесный*, *колесить*, *колесовать*, *околесица*, диалект. *kolësnica* «проезжая дорога в поле» (Усачева, СЛЛ, 113); укр. *колесня*, *колесувати*; польск. *kolasa*, *kolesarz*, *kolësarzka*, *kolësnia*, *kolësnica*, *kolëśnik*, *kolëśny*; чеш. *kolëska*, *kolësna*, *kolësový*, *kolësek*; словацк. *koliesko*, *kolësnica*, *kolësňa*, *kolësiak*, *kolësár*; словен. *kolësje*, *kolëselj*, *kolë sce*, *kolësar*, *kolësast*, *kolësáriti*.

Беднее следы консонантной основы в белорусском, сербохорватском и болгарском словообразовании. Однако во всех славянских языках находим многочисленные следы типа русск. *околица*, *кольцо*, *окольный*, польск. *kolce*, *okólny* и под., которые говорят как будто о ранней утрате детерминатива *-s*. В еще большей степени показательны очень архаические праславянские композиты типа *kolovozъ*, *kolomazъ*, *kolovortъ*, *kolobarъ* и др. Тем не менее все эти и подобные примеры не могут свидетельствовать об утрате здесь консонантного детерминатива. Можно предполагать, что в праславянском от индоевропейского корня *k^{ue}l-* была известна основа на *-os* (*-es*) и основа на *-o*: *kolo-*, к которой и восходят указанные выше примеры. В болгарском представлено новообразование *колело*, которое возникло в результате контаминации *kolëso* и *trъkalo* (от глагола *trъkalam* «катить, катать»).

Ударение в ед. числе падало на корневой гласный: *kólos-* (*kóles-*). Оно отражено, например, в укр. *кóлесо*. Во мн. числе ударение падало на флексии — *kolësá*. Русское ударение *колёса* вторичное: оно возникло под влиянием род. мн. *kol'ós*. Старое же ударение *kolësá* отражено в ед. *колесó*.

Основа *čelos-* (*čel'es-*). Многие слависты восстанавливают эту основу, привлекая следующие данные: др.-русс. *челесынь* «главный, основной; начальствующий, верховный»; *челесыниа кънигы* «книги священного писания» (Срезневский, III, 1487); русск. диалект. *čelëśnik* «устье печки» (Добровольский, 979); др.-чеш. *čelesen*, *čelësn* «устье печки»; в.-луж. *čelëсно* «челюсть»; полаб. двойств. *zülisay* (< *čelësi*) (подробнее см.: BEW, 140; VEW, III, 312 и др.). Однако далеко не все указанные выше сопоставления можно принять с полной уверенностью. Так, русск. *čelëśnik*, чеш. *čelesen*, *čelësn*, в.-луж. *čelëсно* скорее следует сопоставлять с праслав. *čeljъstъ*, о чем особенно убедительно свидетельствует верхнелужицкий пример. Решительно отрицают существование основы *čelos-* Мейе (Ét,

235), Махек (MES, 68) и др. Они видят здесь праслав. основу *kelo-*, которая, конечно, имела тот же корень, что и основа *kolos-* (*koles-*).

Связаны ли генетически в славянских языках слова *kolo*, *koleso* и *čelo*? Ответ на этот вопрос мы получим, если выясним историю семантики *čelo*. Если это слово исконно было связано с понятием «круглый», то связь его с основой *kolos-* (*koles-*) можно считать бесспорной. В таком случае можно будет предположить, что от одного индоевропейского корня *k^uel-* в праславянском сохранялись следы основ на *-os* (*-es*): *kolos-* (*koles-*) и на *-o*: *kelo*; чаще *colo-*. Возможно, что именно под влиянием корневой огласовки в *kolo-* и возникла необычная для основ на *-os* (*-es*) огласовка *o* (*kolos-* на месте исконной *kelos-*). На поставленный выше вопрос нужно будет дать иной ответ, если в слове *čelo* исконным значением мы будем считать «высокий, верхний», привлекая для доказательства литов. *kálnas* «гора», *kėlti* «поднимать», лат. *excellō* «возвышаться», греч. *κόλῳρος* «высота, холм» (см. FEW, 209—210, 237—238; FrEW, I, 906—907). В пользу первого предложения говорят указанные выше примеры типа полаб. двойств. *zūlisay*, а также и то, что в полабском *čolo* имело значение «лицо» (ср. в русск. *о́вал лица*). В пользу второго свидетельствует украинский говор села Зуевец (северная Полтавщина), в котором, по свидетельству И. А. Варченко, слово *čolō* употребляется в значении «первый сорт».

Основа *těles-* (*tělos-*). Убедительных соответствий этой основе в других индоевропейских языках не найдено. В старославянских памятниках находим много примеров с основой *těles-*. Вот несколько примеров: о въпрошени тѣлесе гнѣ, і въшедъша не обрѣтѣ тѣлесе га ѿса, і не обрѣтъша тѣлесе его, да не останѣтъ икстѣ тѣлеса, можетъ приложити тѣлесе своемъ лакоть единъ (все примеры из Марииин. ев.); і рана не прістѣпѣтъ тѣлесі твоємъ (Син. пс.); и многа тѣлеса почивающихъ стѣхъ вѣсташа (Сав. кн.). Аналогичных примеров можно привести много как из различных старославянских памятников, так и из древних памятников других славянских языков. Однако уже в самых древних памятниках находим новообразования, вызванные влиянием модели склонения, восходящей к основе на *-o*. Примеры *тѣла*, *тѣлоу*, *тѣломъ* встречаются часто в самых древних текстах. Представлены новообразования и в композитах, зафиксированных в древних славянских текстах, ср. *тѣлопѣсанье*, *тѣлолюбѣць*, *тѣлохранитель* и др.

Древняя основа на *-os* (*-es*) фиксируется рядом современных славянских языков во мн. числе: русск. *телеса*, *телесах*, *телесам...*; болг. *телеса*. Словенский сохраняет старую основу в парадигме ед. числа: *telō*, род. *telēsa*. Много следов старой консонантной основы в прилагательных: ср. ст.-слав. *сѣниде дѣхъ стѣхъ тѣлеснымъ зракомъ* (Марииин. ев.), др.-русск. *тѣлеситыи* «крепкий духом и телом», *тѣлесныи*, *тѣлесьскыи* «телесный» (см. Срезневский, III, 1090—1091), русск. *телесный*, белорусск. *цялесны*, укр. *мілесний*, польск. *cielesny*, чеш. *tělesný*, *tělesenský*, словацк. *telesný*, болг. *телесен*, серб.-хорв. *tělesan*, словен. *telésen*. Именные образования от основы *těles-* встречаются реже, но и они известны некоторым славянским языкам: ср. словен. *telésce* «тельце, частица», *rdeča krvna telesca* «красные кровяные шарики», *telesnina* «объем», *telésnost* «материальность», чеш. *těleso* «тело», словацк. *teleso* «тело», *umelecké teleso* «художественный ансамбль», др.-чеш. *tělesenství*. Встречаем, однако, в словообразовании имен существительных и прилагательных новообразования: ср. русск. *тельце*, *телогрейка*, *нательный*, диалект. *tel'-* «мякоть, древесина», *tel'nóje* «кушанье из рыбьего мяса», чеш. *tělnatý*, *tělný*; словацк. *telový* «телесный», *telovedný* «анатомический», н.-луж. *šělnu* «тельный». Ичные структуры обнаруживаем уже в древних славянских тек.

стах: ср. др.-русск. *твари тѣлюю, тѣльникъ* «тельный крест» (см. Срезневский, III, 1093).

Все приведенные факты дают основание полагать, что основа *těles-* уже в праславянском начала преобразовываться под влиянием моделей, восходящих к основе на *-o*. Во всяком случае, самые древние памятники славянских языков свидетельствуют, что данный процесс зашел уже далеко. Однако среди других основ на *-os (-es)* основа *těles-* оказалась сравнительно устойчивой, что отражается в современных языках. *Телесѡ* широко представлено в полесских говорах. По свидетельству А. С. Лысенко, в северной Житомирщине *телесѡ* употребляется в значении «забита, але не розпатрошена тварина; тіло п'яної людини, яка не тримається на ногах» (СЛЛ, стр. 54). По свидетельству Н. И. Толстого, во многих полесских говорах *телесо* имеет обычное значение «тело, согрѣс».

А. А. Шахматов в свое время высказал предположение, что основа *těles-* в древнерусских памятниках уже не отражала черт живой речи; он полагал, что здесь сказалось влияние старославянского языка. «О том, что такие основы были чужды и древнему языку, можно было заключить, например, из того, что основа *těles-* пишется в древнерусских памятниках последовательно с *e*, сообразно с тем, что церковнославянское *ě* русскими людьми произносится как *e*, между тем как основа *těl-* пишется с *ѣ*, очевидно, под влиянием русского живого произношения»¹⁰. Это соображение А. А. Шахматова недавно повторили П. С. Кузнецов и В. В. Иванов. А между тем его нельзя признать бесспорным. Прежде всего ошибочным является утверждение, что основа *těles-* в древнерусских текстах п о с л е д о в а т е л ь н о пишется *телес-*. Встречается в древних текстах и написание *тѣлес-*, правда, реже (см., например, в Изборнике 1076 г.: нѣ тѣлеси въздыржаник; іако въ тѣлеси блудолѣбьнѣ разоумѣ бжии не въселахтѣ сѧ). Кроме того, в самом старославянском языке данная основа чаще склонялась уже по моделям основ на *-o*. Эта тенденция в среднеболгарских текстах еще усилилась. Примечательно, что и в древнесербских текстах наблюдаем аналогичную картину в написании данной основы (ср.: своимъ тѣломъ да иказоуѣ се, но телеса наша. Даничиѣ, Рјечник, III, 340). Более вероятно предположить, что в *těles-/teles-* мы имеем дело с диалектными вариантами аблаута, т. е. с *těles-/tēles-*. Вслед за Г. А. Ильинским я склонен видеть здесь древний корень (*s/tel-*, который представляет различные огласовки: РФВ, LXIII, 334). Р-конструкция *tojo-* (Meillet, Ét. 359) сомнительна. Ф. Славский приводит ее со знаком вопроса (SEJP, I, 97).

Основа *keydos-* (*keydes-*). К праславянским диалектизмам следует отнести консонантную основу *keydos-* (*keydes-*), которая сформировалась от глагола *key-ti* (> *čuti*) с помощью детерминатива *-s* (*os/es*). Это косвенно свидетельствует о продуктивности основ на *-os (-es)* в некоторых диалектах праславянского языка. Более ранние аналогичные образования (ср. *stado-* от *stati* и др.) последовательно склонялись по моделям основ на *-o*.

Рассматриваемая основа возникла в тех праславянских диалектах, которые лежат в основании южнославянских языков. Это подтверждается письменными памятниками и диалектами старославянского, болгарского, сербохорватского и словенского языков. Богатую коллекцию примеров можно извлечь из старославянских памятников: видѣвъше же архъiereи и кнѣжъници чюдеса; аще знамении и чюдесѣ не видите (оба примера из Марии. ев.); і не ѡсѣ вѣры чюдесемѣ емоу; і поглѡумлѣ сѧ въ чюдесехъ твоихъ (оба примера из Син. пс.). Много примеров из Супр. рук. приводит

¹⁰ А. А. Шахматов, указ, соч., стр. 108.

Вайан¹¹, из памятников сербохорватской письменности много примеров находим в словаре Югославянской Академии наук (II, 90—95). Правда, и в старославянских текстах и в южнославянских более поздних памятниках письменности встречаются примеры типа *чюда*, *чюдоу*, *чюдомъ* и под. (ср. в Син. пс. *ѣко чюдоу быхъ многымъ*). Многочисленные следы старой консонантной основы находим в современных южнославянских языках: болг. *чудеса*, *чудесия*, *чудесен*; серб.-хорв. *čudèsa*, *čudèso* (М. Решетар фиксирует в Черногории еще *čudèso*), *čudesan*; словен. род. ед. *čúdesa* от им. *čudo*. У словенских авторов XVII—XVIII вв. в им. ед. встречается *čudeso*, в современном литературном словенском языке в им. ед. чаще находим новообразование *čúdež* (по аналогии с *tepež*, *padež* и т. п.).

Надо полагать, что в период тесных южнославянско-словацких контактов консонантная основа проникала из древнесловенских диалектов в словацкий язык. Эта основа хорошо известна словацкому языку: *čudeso*, *čudesný*; она фиксируется во многих словацких диалектах¹². Аналогичных образований другие западнославянские языки не знают. Польские *cudo*, *cud* — результат мазурения. В чешском вообще не фиксируются образования от корня *čud-*.

Много примеров основы на -os (-es) из древнерусских памятников дает Срезневский (см. III, 1547—1548). Однако все они обязаны своим возникновением влиянию старославянского языка. «Это объясняется тем, — пишет П. С. Кузнецов, — что *чудо* в древности употреблялось главным образом в церковной литературе»¹³. Народный русский язык не знал основ *čudos-* (*čudes-*). Книжного происхождения и современные русские *чудеса*, *чудесный*, несмотря на то, что некоторые из аналогичных образований наблюдаются в русских говорах (см., например, в словаре Добровольского *чудясу на міръ обыйлять*, *та видили чудясу багатыга мужика: мужикъ жонку запрагау*, 991 и др.). Нет никаких оснований полагать, что в *чуднѡй*, *причуды* и под. утратился древний детерминатив -s. Надо думать, что в этих исконных русских образованиях его и не было.

В лехитских и в восточнославянских диалектах именные образования от глагола *čuti* с суффиксальным *d* сформировались в слова мужского рода. Это отражено в польск. *cud*, в белорусск. *цуд* (*зробіць цуд*). Именно от этой основы и были образованы указанные выше русские *чуднѡй*, *причуды*, диалект. *čudy*. В ограниченном употреблении основа *čud* известна словацкому языку (обычно сочетание *nie čud*). От *koud-* известны в русском языке глагольное образование *прокудить* «сыграть злую шутку», имена *прокуда* «проказа, беда», *окудник* «шутник», в болгарском *кудя* «бранить», в сербохорватском *kūđiti* «бранить, клеветать», в польском диалект. *przeku-dzić* «портить». Русское диалектное *kud'* (арханг. *kud'* «колдовство, ворожба») может свидетельствовать о древней основе на -i (*koudi-*).

Русские старославянизмы *коудесьникъ* «чародей», *коудесный* «чародейный», *коудесы* «волхование» (см. Срезневский, I, 1357) восходят к редкой основе *koudes-*. Пример из Домостроя по Коншинскому списку *коудесомъ* тв. ед. дает основание восстановить для им. ед. **kudo*. Однако есть основания полагать, что основа *koudes* была известна и русскому народному языку. Следы этой основы находим в вятских диалектных *kúdes* «проказник», *kudesá* «чудеса», *kúdesit'* «подшучивать».

Основа *okos-* (*očes-*). Здесь представлен корень-основа *ok'*, хорошо отраженный в индоевропейских языках (см. PEW, 775). Его древнейшая

¹¹ А. В а й а н, Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 134.

¹² См.: F. B u f f a, Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom orkese, Bratislava, 1953, стр. 82.

¹³ П. С. К у з н е ц о в, Очерки исторической морфологии русского языка, М., 1959, стр. 29.]

история подробно изложена А. Вайаном¹⁴. Праславянский отражает разную судьбу этого корня в различных грамматических условиях. Так, двойств. число содержит чистый корень (так называемый корень-основу) — *oši, ošiju, ošita*. В ед. и мн. числах этот корень был оформлен детерминативом *-s* и вошел в систему слов среднего рода основ на *-os (-es)*. Это слово преимущественно употреблялось в двойств. числе (особенность имен для обозначения парных предметов). Очень рано во многих праславянских диалектах *oko* в ед. и мн. числах утратило следы консонантной основы. Так было, например, в восточнославянском праязыке. Все древнерусские примеры типа не выпрями очесе на ню (Изб. 1073) обязаны старославянскому влиянию. Примечательно, что старая консонантная основа, чуждая русскому народному языку, держалась в языке русской поэзии до эпохи Пушкина. С. П. Обнорский приводит следующие примеры: «В твои пресветлы очеса» (Ломоносов), «Где взоры голубых очес» (Державин) и даже из Баратынского — «Снее в лазоревую ночь Не сводим мы очес»¹⁵. Известна эта основа в стихотворениях Жуковского. У Пушкина эта основа представлена с определенной стилистической целью архаизовать текст¹⁶: «... Тебе, сияющей так мило Для наших набожных очес». Решительно против употребления этой основы в поэзии выступил Вяземский.

Нет следов основы *oēs-* в восточнославянском словообразовании. Древнерусское *очесъный* «глазной» — старославянизм: *очесъныи ради немоци* (Изб. 1073). Современное русское *очешный* (*очешное стекло, очешник*) восходит к *очешный*, а это в свою очередь к *очки: оѣкъ- > оѣсь-пуѣ*.

Процесс перехода *oko* из консонантных основ отражают и старославянские памятники. Здесь наряду с род. ед. *очесе* и т. д. находим род. ед. *ока: съхранѣмъ гѣ ѣко зѣницѣока* (Син. пс.), тв. ед. *окомъ: съ единѣмъ окомъ въ животь вынѣти* (Марин. ев.). В Марин. ев. в мест. ед. в ев. от Матвея находим *оуѣ: что же видиши сѣщеъ въ оуѣ брата твоего, а бръвъна еше сѣтъ въ оуѣ твоѣмъ не чюеши*, а в том же тексте в ев. от Луки находим архаическую форму: *что же видиши сѣщеъ нже сѣтъ въ очесе брата твоего, а бръвъна еше сѣтъ въ очесе твоѣмъ не чюеши*. Древнеболгарская письменность X—XI вв. свидетельствует, что парадигма *očese, očesi, očesъti* и т. д. опиралась уже только на старую книжную традицию. Живому языку переписчиков Зогра., Марин. ев., Син. пс. она была чужда. Иначе обстояло дело в том древнеболгарском говоре, который отражен в Супр. рук. Здесь лучше сохраняется старая парадигма слова *oko*: дат. ед. *не дасть оумъноуоумоу очеси... прозьрѣти*, мн. ч. *прикладъ а бѣхъ очеса; нынѣже очеса срьдъць сѣмѣживъше*. Во всяком случае, в период интенсивного воздействия старославянской письменности и языка на древнерусскую письменность старое склонение слова *oko* по консонантным основам в восточной Болгарии еще держалось. Только этим можно объяснить устойчивость старой консонантной парадигмы *oko* в древнерусском книжном языке.

Рано перешло *oko* из консонантного склонения в сербохорватском, чешском, словацком и польском языках. Следы старой основы находим еще в сербских грамотах XIV в.: род. ед. *очеса*, дат. мн. *очисемъ*. Иначе сложилась судьба данной основы в словенском и полабском.

¹⁴ См.: A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, II, Paris, 1958, стр. 244—246.

¹⁵ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, 2, Л., 1931, стр. 404.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., М., 1954, стр. 76.

В современном словенском языке основа *očes-* успешно конкурирует с основой *ok-* (*oč-*). Она представлена и в склонении слова *okó* (ср. *s prostim očesom; vzemi ti smet iz očesa; trta je pognala očesa* «лоза дала побеги») и в словообразовании (ср. *očésce* «глазок», иначе в серб.-хорв. *đšce; očésen* «глазной», диалект. *očéso*, диалект. *učeso* и под.). Известна словенским говорам и форма женского рода им. ед. *učesa* «глаз» (Bezljaj, ESSJ, pokusni zvezek, 20). В словенском, однако, имеются образования и от основы *-ok* (*oč-*): *đčko, đček, očce, đčje*¹⁷.

Примечательно, что мн. *oči* в отличие от мн. *očesa* в словенском относятся к женскому роду и склоняются, как *kosti*. Аналогичную картину находим в старославянском языке. «Имена прилагательные согласуются с этими существительными (*очи, оуши*. — С. Б.) в двойственном числе как с именами женского рода: милосърднама очима Син. тр. 78^a₁₀, къ Ісоу-совама очима Супр. 457²⁹, ѡчима жидовъскама Псих. ...»¹⁸. И в сербо-хорватском *đči* и *ušī* согласуются с прилагательными женского рода: *čnē đči, iglēnē ūši*.

Основа *očes-* зафиксирована текстами полабского языка: *vŭčesā (< očesa)*¹⁹.

Основа *uxos-* (*ušes-*). Аналогично основе *okos-* (*očes-*), основа *uxos-* (*ušes-*), хорошо представленная в индоевропейских языках, в двойств. числе принадлежала к так называемым корням-основам, а в ед. и мн. числах преобразовалась как основа среднего рода на -s: им. ед. *uxos* (< *ay-sos*), род. ед. *ušese* (< *ay-seses*), им. мн. *ušesa* и т. д. В двойств. числе эта основа представляла *uši, ušiju, ušima*.

Основа *uxos-* (*ušes-*) оказалась менее устойчивой, нежели основа *okos-* (*očes-*). Во всяком случае старославянские памятники консонантную основу *uxos-* (*ušes-*) сохраняют значительно хуже, нежели основу *okos-* (*očes-*). Здесь находим лишь единичные примеры: *ni оушесы своїмі* (Клоц. сб.). Нет прилагательных от основы *ušes-*. Лучше эта основа фиксируется старославянскими текстами древнерусской редакции. А. Вайан приводит из этих текстов примеры *оушесе, оушеса*²⁰. И. И. Срезневский дает один пример на прилагательное *оушесъныйи* «ушной»: *и мнози оушесъною немощью погыбоша* (Срезневский, III, 1343). Конечно, все эти примеры не отражают народного русского языка. Древнерусский язык утратил основу *uxos-* (*ušes-*) еще в дописменный период.

Иной была судьба этой консонантной основы в словенском языке. Аналогично основе *okos-* (*očes-*) основа *uxos-* (*ušes-*) хорошо представлена в современном словенском литературном языке и его диалектах. Вот несколько примеров из литературного языка: *vleči na ušesa* «подслушивать», *pridigati gluhim ušesom* «читать проповеди глухим», *pri enem ušesu noter* «в одно ухо входит», *šumenje v ušesih* «звон в ушах», *vnetje srednjega ušesa* «воспаление среднего уха», *zapiši si to za ušesa* «заруби это себе на носу». В диалектах известна форма им. ед. *ušeso*. Представлена данная основа и в прилагательных: *ušésen* «ушной», *ušesno maslo* «ушная сера».

Известна старая консонантная основа сербохорватскому языку: *ušesa, uššima*; фиксируется она полабскими текстами: *vaŭsésā (< ušesa)*. В болгарских диалектах часто встречается в ед. *ušo*, которое возникло под влиянием мн. *uši*.

Основа *istos-* (*istes-*) «почка; мужское яичко». Основа имеет индоевропейские соответствия (см. BEW, 434—465; VEW, I, 490; TBSW, 105;

¹⁷ Подробнее о данной основе см.: Ф. Г. Р а м о в ѝ, указ. соч., стр. 77—78.]

¹⁸ А. В а й а н, указ. соч., стр. 136.

¹⁹ См.: Т. L e h g - S p l a w i ŋ s k i, указ. соч., стр. 157.

²⁰ А. В а й а н, указ. соч., стр. 136.

FEW, 188). Из старославянских памятников основа встречается только в Супр. рук.: *питаи истеса и срьдъца и истеса; раждъзи истесѣ мои*. Последний пример в псалтыри имеет соответствие: *раждъзи жтробѣ мой*. И в других местах псалтыри последовательно вместо указанной выше основы находим слово *Жтроба*. Примечательно, что в одном месте Син. пс. находим глоссу писца к слову *Жтроба*: рядом с текстом *показа мѣ жтроба моѣ* находим глоссу *истесѣ лядвеинѣ* (15^а). Значительно чаще *исто* встречается в старославянских памятниках древнерусского извода: *обѣ истесѣ цѣломждрь*; *яко отърѣзаномъ издола истесемъ*; *вряци похоти въ истесѣхъ* (эти и другие примеры см.: Срезневский, I, 1146—1147).

Следы основы *istos-* (*istes-*) представлены в современном словенском языке: *obist* «почка», *obisten* «почечный», *obistje* «область почек», встречаются в сербохорватских говорах.

Основа *dervos-* (*derves-*). Данная основа представляет собой диалектное новообразование праславянского языка. В праславянский из индоевропейского эта основа перешла в виде *deruo-*, что подтверждается как родственными индоевропейскими языками, так и большинством славянских языков (см. PEW, 214—217). Утверждение П. С. Кузнецова, что основа *deruo-* исконно принадлежала к основам на *-s*, не имеет под собою серьезных оснований²¹.

Большинство дошедших до нас старославянских памятников не знает основы *dervos-* (*derves-*). Так, например, в Мариин. ев. в род. ед. всегда находим только *дрѣва*: *оуже бо сѣкира при корени дрѣва лежитъ; рѣзахъ вѣтви отъ дрѣва*; в мест. ед. *дрѣвѣ*; *зане аще въ сырѣ дрѣвѣ си творятъ*; производные образования не известны от основы *dervos-* (*derves-*): *дрѣвнѣ*, *дрѣвнѣш*.

Иную картину в этом отношении обнаруживаем в Супр. рук. Здесь мн. число образуется от основы *дрѣвес-*: *Антонинъ рече. въкопавше четири дрѣвеса и протажше по дрѣвесемъ приважате и твердо да протажемъ дрѣвесы сѣкроушитъ са и пожреть или обличакмъ оумреть зытѣ*. Правда, и в этом старославянском памятнике ед. число чаще образуется не от консонантной основы. Так, род. ед. *дрѣва* находим в девяти случаях, а *дрѣвесе* встречается только один раз. Есть основание полагать, что основа *dervos-* (*derves-*) широко употреблялась в старославянских памятниках восточноболгарского происхождения. Об этом, кроме Супр. рук., косвенно свидетельствуют старославянские памятники древнерусского извода, в которых консонантная основа во мн. числе встречается сравнительно часто: *древеса плодовиѣ*; *възмущаше добрую волю суцюю въ древесехъ* (Срезневский, I, 734); *древеси*²². Эта консонантная основа во мн. числе и в некоторых производных основах глубоко проникла в русский литературный язык. Достаточно вспомнить известное место из «Евгения Онегина» — «И соловей во мгле *древес* напевы звучные заводит» или у Лермонтова «Сквозь темный свод *древес*». Однако это все факты уже не современного языка. Иначе обстоит дело с некоторыми производными образованиями. Так, специальный термин *древесина*, прилагательное *древесный* характеризуют современный литературный язык. Еще Ф. И. Буслаев обратил внимание на то, что прилагательное от консонантной основы образуется только на основе старославянской неполногласной формы, что убедительно свидетельствует о книжном характере прилагательных типа *древесный*²³. Специальный термин *древесина* был искусственно соз-

²¹ П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 28.

²² А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 16.

²³ Ф. [И.] Буслаев, Историческая грамматика русского языка, 3-е изд., исправл. и доп., М., 1868, стр. 139.

дан учеными лесоводами в начале XIX в.²⁴ Позже этот русский термин был заимствован болгарами — *дръвесина*. В других славянских языках он образован не от консонантной основы: белорусск. *драўніна*; чеш. *drevořina*; словацк. *drevořina*, *dreřina*; польск. *drzewnik*. Известен в русском языке специальный зоологический термин *древесница*, которому, например, в белорусском соответствует *драўнянка*. Г. А. Богатова высказала предположение, что «... распространенность корня *древес-* в научной литературе в какой-то мере объяснялась стремлением не только „сроднить литературу с языком нашим“, но и выдержать тот или иной научный труд в „высоком штиле“».²⁵

Богато отражена консонантная основа в словенском языке. От *drevo* здесь найдем не только мн. число, но и ед. число: род. ед. *drevesa* («*ja-bolko ne pade daleč od drevesa*»); дат. ед. *drevesu*; тв. ед. *drevesom*. Хорошо эта основа представлена во многих производных образованиях: *drevesast* «древовидный», *drevesce* «деревцо» (ср. серб.-хорв. *dřvce*), *drevesen* «древесный», *drevesnica* «древесный питомник», но и *drevorēd* «аллея».

Не зафиксирована консонантная основа *dervos-* (*derves-*) в западнославянских языках.

Основа *leytos-* (*leytes-*). Эта основа редко встречается в старой славянской письменности. В Супр. рук. находим единичный пример: бждемь дѣти безълюби нисхоже зъла ни лютесе на доуши пишѣще нъ всесѣ чистотоуж. Встречается в старославянских текстах древнерусского извода (см.: Срезневский, II, 96). Вероятно, данная основа представляет собою поздний праславянский диалектизм.

Основа *divos-* (*dives-*). В праславянском от глагола *diviti se* были известны различные именные образования. Чаще всего была представлена именная основа *divъ* (< *divos*), принадлежавшая к основам мужского рода. Эта основа отражена в старославянских памятниках (ср. *дивъ творити* в Клоц. сб.), была известна древнерусским памятникам письменности (ср. из Жития Феодора Студийского — *многоу соуцоу абиѣ и дивоу и чудеси*; из Жития Нифонта — *смысль и разоумъ на дивы и на чудо привода*; другие примеры — см. Срезневский, I, 664). Значительное распространение основа *divъ* получила в западнославянских языках: польск. *dziw* (редко *dziwo*), чеш., словацк. *div*, в.-луж. *dźiw*, н.-луж. *źiw*. Параллельно с *divъ* в праславянском существовала именная основа *divo-*, принадлежавшая к основам среднего рода. Она фиксируется древнерусскими памятниками (см. Срезневский, I, 663), известна восточнославянским языкам (русск. *диво*, укр. *диво*, белорусск. *дзіва*). Современные южнославянские языки именных основ *divъ* или *divo* не знают. В болгарском и македонском известны прилагательные *див*, *~а*, *~о* в значении «дикий» и прилагательное *дивен* «дивный, чудесный». В сербохорватском представлено прилагательное *divan* «дивный, удивительный». Известный в сербохорватском *div* «великан, гигант» и родственное ему русск. *див* «птица, предвещающая несчастье» являются заимствованиями и не связаны с указанной выше основой.

В одном из древнеболгарских диалектов именная основа *divo-* испытала влияние основ на *-s*. Это отражено в Син. пс. Здесь находим вин. мн. *divesa ego*. Однако больше всего примеров сохраняют старославянские памятники древнерусского извода: дат. ед. *дивеси*, им. мн. *дивеса*, род. мн. *дивесъ*, тв. мн. *дивесы* и т. д. (см.: Срезневский, I, 663). Многие ученые (Мейе, Бернекер, Махеки и др.) объясняют это влиянием имени *čudo*. Дело

²⁴ См. об этом: Г. А. Богатова, Из истории слова *древесина*, «Историческая грамматика и лексикология русского языка», М., 1962, стр. 202.

²⁵ Там же, стр. 208.

в том, что во многих старых текстах имена *чудо* и *диво* стоят рядом (ср. Изб. 1073 — *чюдеса* и *дивеса*). Следует учитывать и их семантическую близость. От именной основы *dives-* было образовано название растения *Verbascum* — праслав. *divesъma*, откуда болг. *дивизма*, серб.-хорв. *divizma*, польск. *dziwizna*, чеш. *divizna* ²⁶.

Основа *dělos-* (*děles-*). В праславянском от глагольной основы *děti* была образована именная основа ср. рода *dělo-*, которая, естественно, склонялась по моделям основ на *-o*. Это нашло отражение в древних памятниках славянской письменности. Слово *дѣло* часто встречается в старославянских памятниках и почти во всех текстах представляет обычную парадигму для старых основ на *-o*: им. ед. *дѣло*, род. ед. *дѣла*, дат. ед. *дѣлоу*, т. ед. *дѣломъ*, мест. ед. *дѣлѣ* и т. д. Примечательно, что и в отношении этого слова Супр. рук. существенно отличается от других старославянских памятников: и азъ видѣвъ дѣлесе повѣсть; видѣждь отроки простомъ азыкомъ и дѣлесемъ цѣснь цѣсароу твораща; и двою оуже дѣлесоу разоумѣхъ; видѣта чада си дѣлеса мои; позна сихъ чоудесныхъ дѣлесъ; безаконныхъ дѣлесехъ; бѣдетъ по дѣлесемъ ихъ; самѣми дѣлеси искушеникъ възати и др. Встречается основа *дѣлес-* и в Син. евхологии: род. мн. *дѣлесъ*, дат. мн. *дѣлесемъ*. Известна эта консонантная основа и старославянским текстам древнерусского извода (см. Срезневский, I, 786—789). Представлена она здесь и в производных образованиях: *дѣлесныи*, *дѣлесная вещь*, *дѣлесною слоужбою* (Срезневский, I, 786). Встречается она и в древнесербских текстах (Даничић, Рјечник, I, стр. 327).

Многие исследователи полагают, что *дѣло* испытало влияние консонантных основ под влиянием *слово*, так как в литургических текстах они часто встречаются рядом и противопоставляются друг другу; ср. в Супр. рук. и *дѣлеси* и *словеси* (Meillet, Et., 357) ²⁷. Однако возможность такого уже позднего воздействия могла быть осуществлена лишь в том говоре, который хорошо сохранял старую консонантную основу *sloves-*. Ведь в большинстве славянских языков в этот период слово подчинялось уже модели склонения, восходящей к старым основам на *-o*.

Основа *likos-* (*ličes-*). От корня *lik-* в праславянском были известны основы муж. и ср. родов (*likъ*, *lice*) и основы жен. рода на *-a* (*lika*: ср. *razlika*, *prilika*, *sъlika* и под.). Один из древних восточноболгарских говоров, отраженный в Супр. рук., и здесь представлял новообразование (ср. род. ед. *личесе*: ни къ цвѣтыца възороу личесе своего; им. мн. *личеса*: кгда личеса отыцъ плачемъ прѣмѣнила са бѣахъ). Правда, в Супр. рук. примеры эти единичны. Так, на один пример род. ед. *личесе* встречаем в памятнике одиннадцать случаев *лица*. Значительно чаще основа *личес-* встречается в старославянских текстах древнерусского извода (*дѣвъ личесъ*; *личеса ихъ четырьъ*; *жестоци личесы* и *люти срѣци*; *трии же личеса* и *три собьства* и др., см. Срезневский, II, 30—31). Данная консонантная основа проникла в язык древней Руси вместе с восточноболгарскими литургическими текстами. Таким образом, древнерусские памятники косвенно свидетельствуют о широком распространении основы *личес-* в древнеболгарском литературном языке восточной Болгарии и соответственно в восточноболгарских говорах.

Основа *jъgos-* (*jъžes-*). Индоевропейская основа *jъgo-* закономерно отражена во многих индоевропейских языках (ср. др.-инд. *yugá-*, греч. *ζυγόν*, лат. *jugum*, гот. *juk-*, литов. *jūngas* и др.). И праславянским была представлена основа *j go-* (< *jъgo-*), которая склонялась по моделям основ на *-o*. Это отражено в древнейших славянских текстах (ср.: ст.-слав.

²⁶ V. M a c h e k, *Česká a slovenská jména rostlin*, Praha, 1954, стр. 209.

²⁷ См. также: A. V a i l l a n t, указ. соч., II, стр. 235; A. В а й а н, указ. соч., стр. 135.

им. ед. *уго*, род. ед. *уга*, тв. ед. *угомь*; см. SJS, 12, 703, др.-русс. Срезневский, I, 1019).

В индоевропейском параллельно с основой *jugo-* была известна основа *ieugos-* (см. PEW, 509). Она отражена в греч. ζεύγος, в лат. *jūgera* (<*iou-gesa*). Миклошич обнаружил следы этой основы в одной поздней старославянской рукописи сербского извода: *ижеса* (Miklosich, Lexion, 236). Этому примеру можно было бы не придавать большого значения, если бы не данные современного словенского языка, который хорошо представляет консонантную основу: *igó*, род. ед. *ížesa*, *igěsa*. Однако нет полной уверенности в том, что эта консонантная основа на -s индоевропейского происхождения. Многие ученые (Вайан, Махек и др.) видят здесь новобразование под влиянием основы *kolo* — *kolese*.

Основа *červos-* (*červes-*). Данная основа не принадлежит к исконным основам на -s. В праславянском в ранний период его истории она склонялась по моделям на -o : *čeruo* — откуда закономерно ст.-слав. *чрѣва*, *чрѣвоу*, *чрѣвъ*, им. мн. *чрѣва*, прилагательное *чрѣвень* и др. Даже в Супр. рук. основа *červes-* не фиксируется.

И тем не менее в отдельных говорах праславянского языка основа *čeruo-* испытала воздействие основ на -s. Об этом очень убедительно говорят многочисленные древнерусские памятники, написанные на старославянском языке, а также современный словенский язык.

Из древнерусских памятников много примеров дает Срезневский: *работающе свои^м чрѣвесе^м*; *оутръ въ желудокъ и чревеса оумъ и ср^ѣць чревеса и оутробы*; *дрѣвле^и бесплодна^и развързъ еси чрѣвѣса* и др. (Срезневский, III, 1536). Правда, в словосложениях фиксируется только *чрѣво-*. Надо думать, что образования типа *чрѣвесе* были хорошо известны древнеболгарскому языку X—XI вв. На русской почве они возникнуть не могли.

Хорошо известна основа на -s современному словенскому языку (литературному и диалектам): им. ед. *črevó* «кишка», род. ед. *črevěsa*, *črevěsen* «кишечный», *črevěsno vnětje* «воспаление кишок», диалект. *črovĩzъ*, но *črevobol* «боль в животе».

Основа *tēgos-* (*tēžes-*) — отглагольного происхождения (ср. *tēgnōti*). От этой основы образовались имена различной морфологической структуры и различного значения. Так, в русском находим слово жен. рода на -а — *тяга*, в том же значении в словенском представлено слово муж. рода *tēg*. По структуре ему соответствует серб.-хорв. *tēg*, но оно существенно отличается по значению. В сербохорватском это слово употребляется не только в значении «тяга», но и «гиря», «урожай», «посев», «горсть льна». И русскому языку известно слово *тяг* (ср., *дать тягу*), знают его западнославянские языки: ср. чеш. *tah*, словацк. *tah* с чрезвычайно богатой и дифференцированной семантикой, польск. *ciąg*. Известны были от данного глагольного корня и основы на -ja (ср. польск. *cią́ża* «тяжесть, бремя») и основа на -jo (ср. словацк. *t'aj* «тяготение, непосильное бремя»).

Еще в праславянском данный глагольный корень вошел в сферу воздействия консонантных основ на -s. Так возникла основа *tēgos-* (*tēžes-*), от которой был образован специальный технический термин «ремень, ярмо». Это свидетельствует о продуктивности консонантной основы в той лексике, которая была связана с конной тягой. Следы этой основы мы находим в нескольких старославянских текстах древнерусского извода в форме тв. ед. *тажесемь* *пга оуныча* (см. Срезневский, III, 1098). Интересную аналогию представляет латинский, где от глагола *tendo* «тянуть» был образован специальный технический термин с основой на -s : *tēnus*, *-ōris* «петля, силок» (Ernout, Meillet, стр. 1209).

Нет оснований вслед за Преображенским и др. в слове *тяжестъ* видеть консонантную основу *tęzes-*. Конечно, здесь налицо суффикс *-ostь* (*-estь*). Формирование суффикса *-ostь* (*-estь*) относится к дославянскому периоду, о чем свидетельствует аналогичное образование в хеттском.

Основа *ložes-*. От праславянского глагола *ložiti* были известны именны́е образования. Так, широкое распространение получила основа *ložo-* (>*lože-*). Она представлена во всех славянских языках (ср. русск. *ложе*, болг. *ложе*, серб.-хорв. уст. *lože*, словенск. *lože*, чешск. *lože*, польск. *łóże*, в.-луж., н.-луж. *łożo* и др.). Однако от этой же глагольной основы возник один анатомический термин, который образовался от консонантной основы. Речь идет об основе *ložes-* «uterus». Позже она преобразовалась и уже в самых древних славянских текстах была известна в виде *ložesъno*. Естественно, что в таком виде данный термин склонялся по моделям на *-o*.

Обычно в текстах находим мн. число *ложесъна*: *разврѣзаѣ ложесна сто гви наречеть са* (Мариин. ев.), *къ тебѣ прѣврѣженъ есмъ из ложезнѣ; оутоуждени быша грѣшныи отъ ложеснѣ* (оба примера из Син. пс.). Богатую коллекцию примеров дает Срезневский из старославянских текстов древнерусского извода: *не погоуби дѣтища въ ложеснѣхъ* Изб. 1073 и др. (Срезневский, II, 43). В дальнейшем этот термин вышел из употребления. Сохраняется лишь в диалектах словенского языка (см. BEW, 737).

Основа *peros-* (*peres-*). Хорошо известно во всех славянских языках праславянское отглагольное образование *pero-*, которое склонялось по моделям старых основ на *-o*. О неконсонантном характере основы свидетельствуют ст.-слав. *і чѣко пѣсокъ морескъ пѣтица перьнаты* (Син. пс.); русск. *перина*, *пернатый*; чеш. *pírko* «перышки», *peřina*, *pěrový*, *pěrečník* «пенал», *pernatý*; словацк. *perina*, *peračník*, *perečko* «перышко», болг. *перце* и др. Однако в словенском языке находим *peró*, род. ед. *perésa*, диалект. *perese*, *perésnica* «пенал», *perésast* «перистый», *perésnik* «ручка», *perése* «перышко». Данные примеры свидетельствуют, что влияние консонантной основы в словенском произошло в достаточно древний период. Эти данные представляют особый интерес в связи с тем, что аналогичный процесс пережил и полабский язык (ср. полаб. двойств. *pěrisáŕi* < *peresi*²⁸). О старой консонантной основе свидетельствует русское *перистый* (*перистые* *облака*).

Основа *roynos-* (*roynes-*) представляет собой именной дериват от глагола *rъvati*; употреблялась в значении «овечья шерсть». Этимология свидетельствует, что древние славяне у овец шерсть выщипывали, а не стригли; этот обычай у некоторых народов сохраняется до сих пор. На очень древний прием обработки посевов может указывать укр. *руно* не только в значении «овечья шерсть», но и в значении «всходы»: «подивитесь на руна польові: жита такі, що й вул не пролізе». Основа хорошо известна всем славянским языкам. Русск. *рунó* и серб.-хорв. *ruino* свидетельствуют об окситонированном ударении. Как и некоторые технические термины, данный производственный термин в некоторых праславянских диалектах испытал влияние консонантной основы. Следы этого находим в некоторых старославянских памятниках древнерусского извода; *р тысящъ ѿвновь и съ роунесы; портъ ѿ рунось* (Срезневский исправляет — *рунесъ*) *овчъ* (Срезневский, III, 196). Видеть в данных примерах позднее словообразование трудно.

Основа *ojes-* индоевропейского происхождения. Она представлена во многих славянских языках: ср. болг. *овище*; серб.-хорв. *оје*, чеш. *voj*, в старых текстах и диалектах *оје*; в.-луж. *wojo*, н.-луж. *wójo*; во всех язы-

²⁸ T. Lehr-Splawinski, указ. соч., стр. 158.

ках в значении «дышло». Свой прежний консонантный характер данная основа сохраняет только в словенском: *ojé, ojéša; kavelj na ojéša* «крюк на дышле», и т. д. Однако и в этом языке представлено новообразование: *ôpnja* «оглобля». Огласовка *o* в *oje* является праславянской инновацией.

Основа *zvenos- (zvenes-)* подтверждается полабским, где находим ед. *sweni*, мн. *swenêssa* (< *zwnesa*) «обод телеги». Других источников, подтверждающих данную консонантную основу, нет. Надо думать, что здесь представлена полабская инновация.

Основа *udos- (udes-)* «часть, член» — индоевропейского происхождения. Корень оформлялся различными детерминативами в зависимости от семантики. Были известны основы *udo-* (< *aydo-*) и *udos-* (*aydos-*). Последняя основа отражена многими русскими памятниками, написанными на старославянском языке: *оудесь мѧсь отъ приносѧщихъ примати; поразилѧ бо тѧ быша и на оудеса расѧкли; на оудеса расѧкажи; оудеса телеснаа; оукорени страхъ твоѧ въ оудесѧхъ моихъ; потребление оудесъ твоѧ* (см. Срезневский, III, 1049).

В древнерусских памятниках письменности фиксируется еще *гранеса* (от **грано* «стих» — см. Срезневский, I, 585). Вайан полагает, что это аналогическое образование от мужск. рода *гранъ*²⁹. Кстати, и форму *оудеса* Вайан считает мн. числом от ед. числа муж. рода *оудъ*.

Как можно видеть из обзора основ на -s, данная структура имен оказалась особенно продуктивной в словенском языке. На эту особенность словенских имен обратил внимание в свое время еще Ф. Миклошич; В. Облак указал, что эта черта характеризует только юго-западные говоры словенского языка и резко отличает их от северо-восточных говоров³⁰. Под воздействием структурной модели основ на -s уже в позднее время здесь оказались многие основы иного происхождения (ср. *pólje — polesa, krí — krvesa, bêdro — bedresa, ulíje — uljesa* «нарыв»). В ряде случаев можно наблюдать колебания, вызванные влиянием основ на -t: от ед. *peró — peresa*, но и *pereta, perata, peratu* и т. д.

Существовал на территории южнославянских языков и другой центр, где старые основы на -s оказались необыкновенно продуктивными. Речь идет об одном северо-восточном болгарском говоре, который оказал сильное воздействие на формирование норм того древнеболгарского литературного языка, который сформировался в Преславле. Об этом свидетельствуют Супр. рук., сочинения Иоанна Экзарха, особенно же древние восточноболгарские тексты, сохранившиеся в русских списках XI—XIV вв.³¹. В связи с утратой склонения современные болгарские говоры не содержат необходимых сведений в этом отношении.

Существовал еще и третий центр, где старые основы на -s вели себя очень активно. Речь идет о полабском языке. К сожалению, скудость источников не дает возможности представить здесь положение дел достаточно наглядно. Нет сомнений в том, что сохранившиеся тексты не полно отражают степень активизации основ на -s.

Во всех остальных славянских языках основы на -s не получили существенного развития. Архаичнее в этом отношении славянские литературные языки, которые сохраняют ряд основ на -s под воздействием старых книжных традиций или заимствований. Следует обратить внимание на то, что очень часто эти основы на -s несут здесь повышенную экспрес-

²⁹ А. В а й а н, указ. соч., стр. 135.

³⁰ V. O b l a k, Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen, ArfslPh, XIII, 1, 1891, стр. 57.

³¹ См. об этом подробнее: S. B. B e r n s t e i n, Zum Studium des altslawischen ost-bulgarischer Redaktion des IX—X Jahrhunderts, «L'Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», XVIII, Bruxelles, 1968, стр. 55—63.

сивную окраску, употребляются в ироническом смысле, выполняют функцию увеличительных суффиксов и т. д. В этом отношении достаточно сослаться на русск. *телеса* или *слова*. По свидетельству М. Стевановича, в сербохорватском «*телеса* обычно говорят о мертвых и изуродованных телах»³². Мн. *ušesa* от *uho* употребляется в значении «большие уши», *koleso* в чешском имеет значение «большое колесо».

Рассмотренные выше именные основы на -s характеризуются значительным семантическим разнообразием. Здесь и абстрактные имена типа *nebos-*, *slovo-*, и анатомические термины *tělos-*, *čelos-*, *okos-*, *istos-*, *červos-*, и технические термины *kolos-*, *jugos-*, *težos-*, *runos-*, *ojos-*.

Праславянский сохранил древнюю акцентуацию основ на -s: бари-тоне́за в ед. числе и окситоне́за во мн. числе. «Такую подвижную акцентуационную парадигму представляют в славянском все -os/-es- основы с краткостным корнем, ср. например, серб.-хорв. диал. *něbo* — *nebesā*, русск. *не́бо* — *небе́са* и т. п.»³³.

³² М. Стевановић, Савремени српскохрватски језик, [1], Београд, 1964, стр. 228.

³³ В. М. Иллич-Свитыч, Именная акцентуация в балтийском и славянском, М., 1963, стр. 148.